

Е. С. НЕКРАСОВА

Памяти Н. Ф. Федорова

15-го декабря скончался в московской Мариинской больнице от воспаления легких Николай Федорович Федоров. В продолжение многих лет он заведовал каталожной при библиотеке Публичного и Румянцевского музеев¹, откуда не особенно давно перешел на службу в архив Министерства иностранных дел.

Кому приходилось работать в том или другом книгохранилище и обращаться за содействием к покойному Н. Ф., тот знает, какую драгоценность, какое сокровище потеряла в его лице Москва. Этот несравненный библиограф-энциклопедист существовал и трудился исключительно *ради других*, для того, чтобы помогать *другим*, облегчать *другим* их научные труды. Я как запомню Николая Федоровича, он постоянно состоял у этого, казалось бы, отупляющего каталожного дела. Но его живой, энергичный ум сумел проявлять себя и в этой сфере с высоко-идеальной стороны. Он не скучал и не тяготился теми многочисленными списками книг, с требованиями которых обращались к нему то тот то другой из приходивших в музей для научных и литературных занятий. Николай Федорович не только с величайшею охотой всегда спешил отыскать все требуемые книги, но он, как человек идеального общественного служения и как человек образованный, — некогда кончивший курс в одесском Ришельевском лицее² — сейчас же по списку догадывался, над чем работает человек, и в таком случае можно было быть уверенным, что Николай Федорович не ограничится присылкой только затребованных книг: он найдет много новых и старых сочинений, о которых работающему, может быть, и в голову не приходило и которые, случалось, оказывались для него важнее многих им самим назначенных книг. Но этого мало — к следующему дню Николай Федорович отроет и найдет на ваш стол кучу новых не только книг, но и журналов. Скорее вы сами отложите в сторону и забудете о вашей работе, чем он забудет о том, что для нее надо: он раньше не успокоится, пока не исчерпает всего материала. И кто же из работавших в Румянцевском музее

не почувствует горячей благодарности к этому старику-идеалисту, вспоминая, как много обязан ему, его богатой энциклопедической памяти, его неутомимой готовности помогать? Благодаря этой готовности сколько раз спасал он начинающих от промахов и больших ошибок!..

Как заведующий каталожной Румянцевского музея Николай Федорович незаменим, да и как человек он тоже большая редкость. У него была одна великая черта характера: слова его теории шли об руку с его жизнью. Идеалист 40-х годов, даже некогда пострадавший за свои идеи³, он оставался верен своей теории до конца жизни. Он был противник не только богатства, но даже и большого жалованья, большой траты денег лично на свои нужды. Когда при одном из покойных директоров музея опросталось место в библиотеке с бóльшим жалованьем, чем получал Николай Федорович, и когда это место предложили занять ему, он ответил решительным отказом. Директор, узнав об этом необыкновенном событии, был поражен и пошел сам допрашивать Николая Федоровича о причине отказа. «Мне большего жалованья не надо!» — с некоторым раздражением ответил Николай Федорович изумленному директору. «А если бы вам предложили мое место?» — продолжал допрашивать директор. — «И от него бы отказался». Очень удивился директор таким ответом, зато с этих пор в его отношениях к Николаю Федоровичу — чиновнику при каталожной музее — стало проглядывать уважение к человеку, ему совсем непонятному.

В 70–80-х годах (в следующие годы я редко видала Николая Федоровича) он настолько ограничивал себя во всем — например, так бедно одевался, приобретая свой гардероб на толкучке, что нередко в людях, которые его не знали или не понимали, возбуждал насмешку; зато в тех, кто его знал, — кто знал, что сбереженные деньги от покупки лучшего костюма употреблялись на помощь или на покупку лекарства бедному студенту, — в тех возбуждал он глубокое, благоговейное уважение. Я сама при первой встрече с ним в 1872 г., когда П. И. Бартенев, у которого Николай Федорович служил тогда при Чертковской библиотеке, попросил его занести мне книжку своего журнала⁴, так непростительно ошиблась: приняла Николая Федоровича по костюму за лакея и даже — до сих пор краснею при этой мысли — выслала ему двугривенный.

Николай Федорович ничем не баловал себя в жизни. Он даже спал без всяких удобств, т. е. без кровати, не имел ни матраца, ни подушки. В конце 70-х годов, когда он жил на Мещанских, нанимая комнату в Набилковском переулке, он спал сидя в деревянном кресле, прикрываясь вместо одеяла своею старенькою, коротенькою, порыжелюю шубенкой. Утром вставал рано и пил пустой чай

с куском вчерашнего калача. После такого завтрака он пешком отправлялся в музей и всегда приходил за час, а то и за полтора до назначенного срока и начинал работать. После многих часов подряд неутомимой работы он позже других уходил из музея. По дороге забегал в какую-нибудь харчевню пообедать на 10 или на 15 коп. и тем же бодрым, быстрым шагом шел к себе на Мещанские. По дороге он каждый день покупал три калача: один отдавал прислуге, которая мела ему комнату и подавала самовар, другой — дворовой собаке, а третий калач оставлял для себя. Свой он делил на две порции: одну съедал вечером за чаем, другую — утром.

Такой образ жизни вел Николай Федорович не вследствие скудости. Он не жалел денег, напр<имер>, на покушку книги, которой недоставало в музее, а которую требовал читатель. Я прекрасно помню, как он купил на свои деньги философию Спинозы на французском языке, которой не хватало в музее. Он не прочь был внести плату за бедного студента в университет, если на руках оказывались деньги. Он тратил так мало на себя из-за принципа, которому был верен. Зато он ядовито смеялся над теми, кто кричит о своих принципах, а в жизни подыскивает те или другие извинения для оправдания своих противоречий. Таких людей он называл ипокритами в глаза и за глаза, несмотря на ранг и на титул.

Такой человек, как Николай Федорович и его покойный друг А. Е. Викторов⁵ (кстати сказать, в нынешнем году минуло 20 лет со дня его смерти), по своей цельности, стойкости своих принципов и идеальному отношению к общественному служению — редчайшие люди, — люди, которые уже одною своею жизнью вносили в окружающее много доброго и поучительного.

Низкий поклон перед прахом незаменимого библиографа-энциклопедиста.

Многообязанная покойному

Екат. Некрасова.

Р. С. За несколько дней до смерти Николая Федоровича я получила от него два письма с указаниями не только книг, нужных для работы, но даже и страниц⁶, — он в то время был уже совсем больной.

